

ГРАНОВСКИЙ О РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

Предисловие В. Невского
Примечания М. Барановской

НОВОЕ ПИСЬМО ГРАНОВСКОГО

Публикуемое письмо Т. Н. Грановского не может изменить твердо установленных взглядов на политическую фигуру этого замечательного деятеля 40-х годов.

Умеренный либерал, не выходящий за пределы постепенного преобразования современного общества в отдаленном будущем, путем длительной, хотя быть может в некоторые эпохи и мучительной эволюции.

Что это действительно так и что на радикальные с первого взгляда фразы публикуемого письма нельзя смотреть как на радикальное изменение убеждений Грановского это легко показать. «Опять там восторжествовала карточка, — пишет Грановский о поражении восставшего пролетариата в Париже в 1848 г. — Угнетатели ликуют. Они думают вернуть рабочих и пролетариат в прежнее рабство. Буржуазия опять собирает силы, но угнетенные не спят. Они покрыли Париж баррикадами, и это было в полном смысле классовое восстание пролетариев» (разрядка моя. — В. Н.).

Кажется, судя по этим словам, что Грановский как будто бы понимает истинный ход истории, раз он так точно характеризует июльское восстание, называет его «классовым восстанием пролетариев».

Однако это далеко не так. Прежде всего из текста письма видно, что Грановский различает два понятия: «рабочие» и «пролетариат». Если бы под словом пролетариат Грановский понимал рабочий класс, тогда незачем ему было бы рядом с этим словом ставить другое — рабочие. Мы знаем, что не только Грановский, но и его друзья вкладывали в слово пролетариат другой смысл, чем мы. Для него пролетариат — это тот большой слой городской бедноты, среди которой большую часть составляет мелкая городская буржуазия и прежде всего люди, живущие умственным трудом.

О том, что Грановский не отождествлял понятия пролетариат и рабочий класс видно и из других его высказываний. Еще в 1847 г. в своих работах он, говоря о Риме, утверждал, что пролетариат — явление не старое, и отождествлял так называемых пролетариев Рима с пролетариатом нашего времени, образованием, классом, созданным совершенно иными экономическими условиями и принципиально отличным от римских праждан, носивших имя пролетариев.

По мнению Грановского, те вопросы, какие волнуют лучшие умы Европы теперь, в результате образования нынешнего пролетариата, волновали и лучшие умы Рима, перед которым уже стояла грозная проблема пролетариата.

Да и не мог Грановский понимать классовой сущности движения 1848 года, если даже такие мощные умы, как его друг А. И. Герцен, не сумели возвыситься до истинного понимания вещей, уже ярко сформулированного К. Марксом.

По мнению Грановского, процесс истории заключается в осуществлении критической научной мысли на массы, коснеющие в невежестве. Задача истории — создание «нравственной, просвещенной, независимой от роковых определений личности». Требования и действия такой критически мыслящей личности и перестраивают общество сообразно своим идеалам.

Таким образом исторический процесс Грановский мыслит идеалистически; пускай в других терминах, но по существу здесь все по той же идеалистической формуле Ге-

геля история представлялась Грановскому процессом становления личности, диалектическим движением саморазвивающегося духа. Это было конечно очень далеко от того понимания классовой борьбы, которое уже тогда было выработано Марксом:

За год до смерти Грановский в письме той же Екатерине Борисовне Черниевой, кому адресовано и публикуемое нами письмо, между прочим писал о том, что путешествие в Европу теперь (в 1853 г.) не представляет ничего приятного, так как «элементы революционные или, как их называют теперь, разрушительные не потеряли несколько своей силы и не нынче-завтра могут разразиться с жестокостью, к несчастью вызванною крайностями реакции. Провидение кажется осудило современное поколение на постоянное переходное положение, на состояние в борьбе; которая будет бросать их из одной крайности в другую. Это мнение мыслящих людей в Европе, и то же убеждение, более или менее существующее во всех классах общества, делает жизнь там так мало обеспеченною, так мало приятною». (См. А. Станкевич, Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897, т. II, стр. 318 и т. I, стр. 220).

В умеренном либерале Грановском грядущие революционные буря возбуждают не радость, а страх. Это не значит конечно, что Грановский был поклонником николаевской реакции; он ненавидел ее достаточно сильно, и она-то и свела его преждевременно в могилу. Но ненавидя реакцию, Грановский не видел и тех новых сил, какие уже были налицо и какие готовы были покончить со всякой реакцией, — сил пролетариата.

Для характеристики либеральной сущности Грановского Л. Б. Каменев правильно приводит характеристику, данную ему либералом В. Н. Черниным: «... Между тем как Герцен, разочарованный во всех своих ожиданиях, увидев несостоятельность той демократии, которой он отдал всю свою душу, ждался в еще большую крайность, громил умеренно республиканское правление, водворившееся после июньских дней, и проповедывал самые анархические начала, Грановский как истинный историк воспользовался развешивающейся перед его глазами картиною, чтобы окончательно выработать в себе трезвый и правильный взгляд на политическое развитие народов, взгляд равно далекий и от радикальной нетерпимости, и от реакционных стремлений, проникнутый сочувствием к свободе, но понимающий необходимые условия для осуществления ее в человеческих обществах». (Цит. по т. III «Былого и дум», стр. 643.)

Правый либерал реакционного толка совершенно верно определил здесь умеренную либеральную природу своего учителя.

Трудно гадать, какова была бы эволюция Грановского, если бы он жил дольше, однако одно можно сказать, что, не пойдя дальше умеренного либерализма, он не перестал бы ненавидеть реакцию той ненавистью, какой он ненавидел режим Николая I и реакцию, наступившую во Франции после революции 1848 г.

Этим объясняются те места публикуемого нами письма, где Грановский с сочувствием говорит о героической борьбе парижских женщин на баррикадах и где он считает победы революции своими победами и торжество реакции печалью своей и своих друзей.

В этом отношении умеренный либерал 40-х годов совсем не похож на современных нам либералов эпохи 1905 года (даже перешедших как будто бы на сторону революции и забывших те чернила, какими они подписывали свои имена под кадетскими декларациями, восхвалявшими кадетскую политику ультра-кадетских органов хотя бы и в день их юбилея), людей, которые, приспособляясь к подъему 1905 года, продавали революцию завтра же, при чем тому из генералов, кто давал дорожку.

В 40-е годы «разрушительные элементы» разрушали еще не так радикально, как теперь, и можно было, как Грановский, думать, что счастливое будущее, т. е. социализм, очень далеко и даже посочувствовать революции.

Во всяком случае публикуемое письмо еще раз говорит нам о том, что в героический период зарождения русского либерализма даже либералы могли иногда возвышаться до пафоса народных трибунов и до истинной ненависти к реакции.

Такой Грановский нам ближе, чем Грановский «объективный» историк, равнодушно внимающий добру и злу. Таким и рисует Грановского публикуемое ныне письмо.

В. Невский

[ПИСЬМО Т. Н. ГРАНОВСКОГО К Е. Б. ЧИЧЕРИНОЙ]

Екатерина Борисовна!

Я в деревню не еду и смогу сделать в эти дни для Вашей Вареньки все, о чем Вы меня просите. Александр Иванович впал в уныние, да и есть отчего. Всякие события на Западе отзываются на нас разное. Если они хороши — мы радуемся, если у наших — поражение, мы и весь наш круг впадает в уныние. Последние события как раз не хороши, и я впал в уныние. Опять там восторжествовала картечь, угнетатели ликуют. Они думают вернуть рабочих и пролетариат в прежнее рабство. Буржуазия опять собирает силы, но угнетенные не спят. Они покрыли Париж баррикадами, и это было в полном смысле классовое восстание пролетариев.....

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

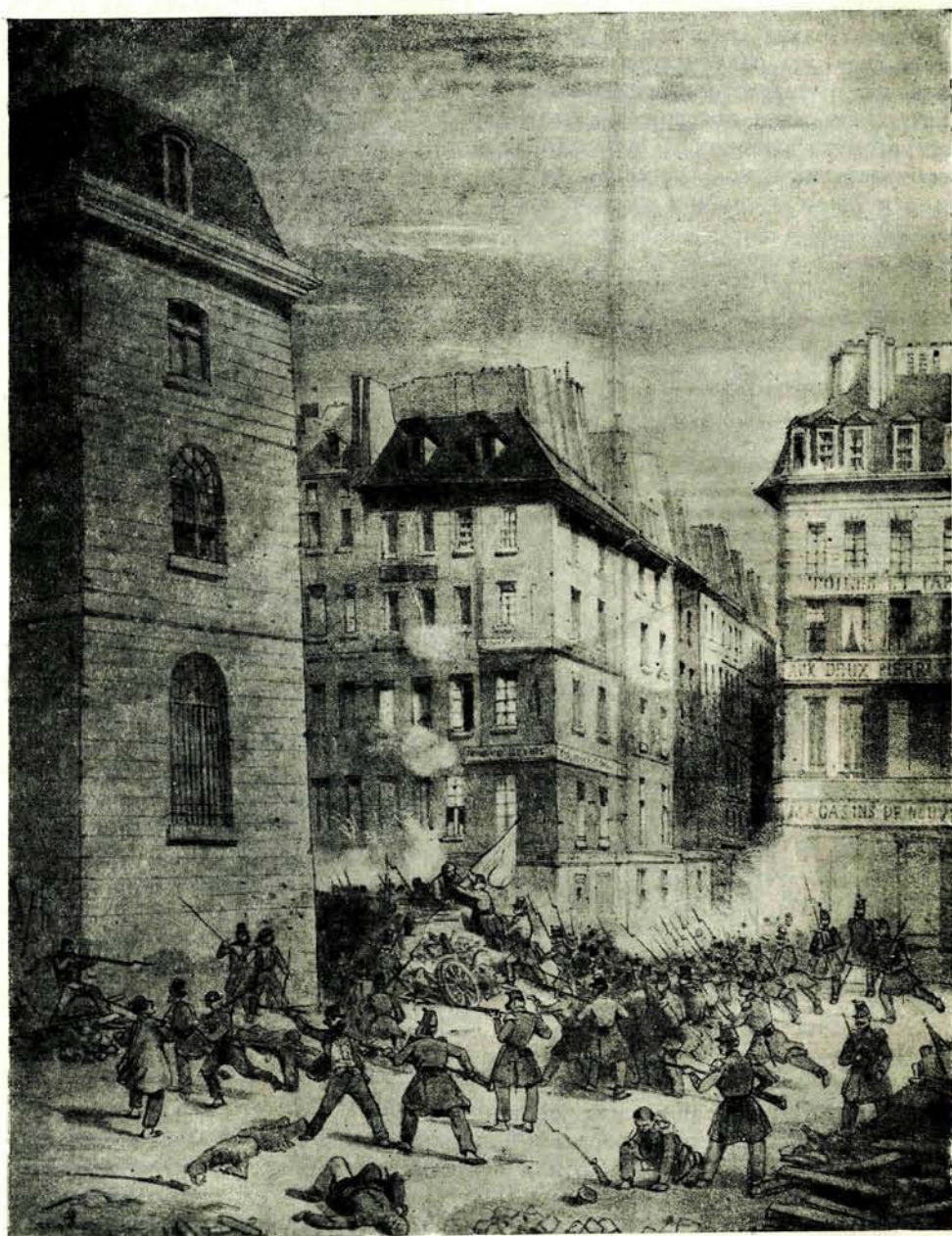
Зарисовка В. Э. Дмитриева-Мамонова, сделанная на одном из вечеров у А. С. Хомякова
Государственная Третьяковская Галерея, Москва

Знаете ли Вы французских женщин?

Они приняли с отцами, братьями, мужьями и детьми участие в бою за свое освобождение. Они заплатили жизнью за дело народа, а те, кто еще вчера были с ними, пошли на них.

Вторая республика была похоронена, и над ней склонились красные знамена. Верите ли, руки у меня опустились. Надежды на все рухнули. Мне тяжело, я не нахожу себе места. Этим письмом я причинил Вам грусть. Вы моя единомышленница и высказаться перед Вами я рад. От этого мне сделалось легче.

Я вчера искал успокоения на улице. День был хорош, и я бродил без мысли, без цели, не зная, где брожу. Вывели меня из оцепенения наши будочки с своими испуганными, деревянными лицами.

БАРИКАДЫ НА УЛИЦЕ МАЛЕНЬКОГО МОСТА В ПАРИЖЕ В ИЮНЬСКИЕ ДНИ 1848 г.
Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

Власть свинцовой руки чувствуется и на них, и не знаю долго ли у нас это продлится. Впрочем все присмирело, все придушено, и взрыва ждать не откуда. Завтра вечером повидаюсь с Александром Ивановичем.

Ваш Т. Грановский

11 июля 1848 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Автограф этого письма стал мне известен в декабре 1926 г. Копия с него была снята мною в 1928 г. у Е. В. Габричевской. Средняя часть письма, касающаяся семейной жизни Грановских, не была снята мною по просьбе Е. В. Габричевской. Нынешнее местонахождение автографа мне неизвестно. Текст письма французский; русский перевод мой.

Письмо это — не единственный отклик Грановского на события 1848 г. См. например его информацию в недатированном письме к жене: «в Париже порядок восстановился. Кавеньяк сложил с себя диктатуру, но избран временно президентом республики до провозглашения новой конституции. Новые (выбранные собранием) министры: Ламорисьер — военный, Вастид — иностранных дел, Бетмон — юстиции, остальные еще неизвестны» (А. В. Станкевич, Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897, ч. II, стр. 294). Уже одна эта информация свидетельствует о той внимательности, с какой Грановский следил за ходом событий.

Упоминаемые в письме лица:

Екатерина Борисовна — Чичерина, мать известного профессора по государственному праву в Московском университете Б. Н. Чичерина, ученика Грановского. Грановский был с ней в приятельских отношениях. Несколько писем Грановского к Чичериной см. в упомянутой работе А. В. Станкевича, т. II, стр. 312—319. См. также «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов». М., 1929, стр. 13 сл.

Варенька — племянница Чичериной, приехавшая в Москву в 1848 г. из имения Чичериных (села Караул Тамбовской губ.) для устройства своего брата в университет.

Александр Иванович — Морозов, сын крепостного Чичерина (впоследствии вольного). Е. Б. Чичерина поддерживала его. Был учеником Грановского, подавал большие надежды; умер вскоре после окончания университета в 1849 г. от чахотки.

М. Барановская